

Полицейское общество

**СОВЕТСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ
КАК ПОЛИЦЕЙСКАЯ НАУКА¹**

А.Ф. Филиппов

*Национальный исследовательский университет —
Высшая школа экономики*

Аннотация: *В статье исследуется советская социология 1960-х – начала 1970-х гг. с точки зрения «полицейской науки» — управленчески-экспертной системы полицейского государства. По мнению автора, социология в СССР не могла быть ориентированной на решение фундаментальных теоретических проблем, поскольку эту функцию сохраняла за собой идеологической бюрократия. Поэтому главной задачей советской социологии стал поиск эффективных методов управления, получение знаний о регуляции поведения, трансформации мотивов и распределении стимулов для достижения общего блага в бюрократическом, социально-полицейском государстве.*

Ключевые слова: *полицейское государство, полицирование, общественное благо, советская социология, семидесятые.*

I.

Эта работа возникла в результате стечения обстоятельств, позволивших мне возобновить работу над старой темой с новых позиций. Немногим менее четверти века назад я собирался написать книгу о советской социологии, небольшую и преимущественно теоретическую, посвящённую разбору некоторых дискуссий, актуальных тогда для нашей науки. Книга не получилась, а статья, вышедшая в 1993 г., отразила состояние умов, ещё не остывших после Перестройки, и мои собственные попытки понять происходящее в терминах распада империи [Filipov 1993]. Самым главным результатом своей работы я считал идентификацию советской социологии как имперской, то есть принципиально соотносящей все свои высказывания с тем большим политическим пространством, которым был Советский Союз и его союзники [см. подробнее: Филиппов 1992]. Я держусь этой точки зрения и до сих пор. Однако тогда я не сумел увидеть самое главное: функциональное место советской социологии. Без этого постановки проблем, исследования и дискуссии оказывались совершенно непонятными. Разумеется, в социологии была идеологическая составляющая, а полностью разделить идеологию и собственно исследовательскую работу очень трудно, если вообще возможно. Но

¹ В статье использованы результаты проекта «Полицейский порядок и ситуативная солидарность: динамика взаимодействия и трансформаций», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 году.

работы советских социологов отнюдь не сводились к повторению и уточнению формул, придуманных профессиональными идеологами, да и создавать социологию, развивать её только для того, чтобы получать на выходе ту же самую идеологическую продукцию, было бы бессмысленным предприятием. Несмотря на то, что угроза включить социологию в сугубо идеологическое производство существовала всегда, она занимала важное место в конструкции экспертного знания советской эпохи. Социология в СССР сформировалась под влиянием и постоянно испытывала влияние мировой социологии². Разобраться в её устройстве значит отчасти лучше понять Советский Союз того времени, но и наоборот: не понимая, что собой представлял СССР в последние десятилетия своего существования, трудно понять его социологию.

Советская социология, строго говоря, никуда не исчезла и до сих. Живы и, к счастью, продолжают писать многие из тех, кто создавал её полвека назад, не говоря уже о следующих поколениях. В первую очередь, благодаря этому в ретроспективных описаниях её истории господствует (хотя и не является единственным) нарратив «борьбы учёных во имя науки против идеологического контроля». Несмотря на то, что каждое такое описание заслуживает анализа и уточнений, опровержение или дискредитация этого нарратива были бы делом неблагодарным. Вопрос должен ставиться иначе. Не в том дело, сколько науки было в советской социологии, *что* она смогла отвоевать как область свободы от идеологической бюрократии. Дело в том, *что это была за наука*, так или иначе нашедшая своё место в системе общественных наук СССР. Конечно, такая постановка вопроса заведомо предполагает, что речь идёт о некотором единстве, а этот тезис сам по себе был бы не бесспорен. Однако столь масштабная задача здесь и не ставится. Речь идёт лишь о том, чтобы расширить горизонт тематизации *самоописаний* советской социологии, показать в новом свете давно известное и, путём не испробованных ранее аналогий и сравнений, подойти к обретению новых возможностей интерпретации.

Мне кажется осмысленным провести аналогию между советской социологией и *полицейской наукой* в том особом понимании, смысл которого будет раскрыт ниже. Это касается и её функционального места, и отношения к другим обществоведческим дисциплинам, и, что очень важно, самопонимания, которое было свойственно, конечно, далеко не всем, но весьма многим её представителям. Сразу хочу заметить, что в понятие «полицейская наука» я не вкладываю никаких оценочных характеристик. В данном случае «полицейская наука» — это управленчески-экспертная система полицейского государства. Понятие полицейского государства, конечно, тоже нуждается в уточнении и предварительно определяется как система бюрократического управления, использующего монопольное право на насилие для осуществления административных решений, нацеленных на достижение блага и основанных на оценке ситуации и объективной необходимости, а не на длительной, опосредованной правилами и правом, процедуре с неопределённым результатом. СССР последних десятилетий своего существования более всего напоминает в этом смысле полицейское государство, а идея научного управления — полицейскую науку. Социология и является (одной из таких) полицейских наук. Борьба за признание социологии в советские времена — это борьба не только с идеологией, но и с другими управленческими дисциплинами за место в системе экспертного знания.

² История советской социологии неплохо документирована и постоянно пополняется новыми исследованиями. См., прежде всего: Батыгин 1999; Фирсов 2012.

II.

Это основное положение я хотел бы представить в виде нескольких простых тезисов, положенных в основу данной статьи. Я попытаюсь развить и частично проиллюстрировать их, однако ими не исчерпывается то, что в этой связи можно было бы сказать о предмете. Иллюстрации суть не более, чем иллюстрации, частные примеры, которые могут быть умножены, но которым — я отдаю себе в этом отчет — могут быть противопоставлены другие примеры. Речь идёт о возможном, но не единственно возможном способе интерпретации одного и того же материала. Тезисы эти таковы.

1. Советский Союз на том отрезке его истории, когда была институционализована и развивалась социология, был полицейским государством. Точнее было бы назвать его социально-полицейским, однако этот последний термин не конвенциональный, я буду использовать его лишь время от времени, для более точного выражения некоторых мыслей.
2. Как государство Советский Союз был континентальной империей, то есть большим политическим пространством, смысл которого, как фон и горизонт, в более или менее явной форме присутствовал во всех действиях и коммуникациях, совершавшихся на его территории.
3. В течение нескольких десятилетий Советский Союз был *тоталитарным* режимом, и хотя родовые черты тотального господства сохранялись в его устройстве до самого конца, появление социологии как науки практически совпало по времени с его трансформацией³, заключавшейся в изменении форм, способов и объемов контроля.
4. Социология была задумана как *полезная*. Она была нужна для того, чтобы обеспечить на деле декларируемое идеологами научное управление обществом. Однако стиль социологии как науки мог быть, по большей части, только импортирован.
5. Социология была нужна как эмпирическая наука, но эмпирическое неотделимо от постановки исследовательской задачи, а исследовательские задачи формулируются на языке, который обоснован далеко не эмпирически и может быть в некоторых (но не всех) отношениях плохо совместим с языком господствующей идеологии, обладающим своей внутренней консистентностью.
6. В самом общем виде то решение относительно позиции социологии в советском обществе, которое не просто было навязано сверху, но получено в результате далеко не однонаправленных усилий бюрократов, идеологов и обществоведов, можно охарактеризовать в двух словах как «полицейскую науку».
7. «Полицейская наука» — это не уничижительная характеристика. Речь идёт отнюдь не об оправдании или техническом совершенствовании политического контроля, политической полиции и т. п. *Такая* — «тайно-полицейская» — социология в СССР тоже существовала, но её история — отдельная тема. Мы же будем говорить о том, что дают нам аналогии между социологией и той дисциплиной (или группой дисциплин), которая возникла некогда в Европе как область наук об управлении страной, находящейся под централизованным господством, не опирающемся на правовые процедуры как основной принцип⁴.

³ Движение в сторону создания в стране социологии начинается, как свидетельствуют историки, через несколько лет после смерти Сталина, однако ключевые события происходят лишь в конце 50-х гг.: идеологические сановники отправляются на Запад для участия в социологических конгрессах, в Москве в 1958 г. проходит Международное совещание социологов по вопросу о мирном сосуществовании. Однако до институционализации советской социологии ещё далеко.

8. Уподобление социологии полицейской науке не означает *отсталости*. Скорее речь может идти об очень сложном процессе, в ходе которого некоторые старые и кажущиеся изжитыми феномены обретают не только новую жизнь, но и новый вид, которого они не могли бы иметь в прошлом.
9. Социология в СССР не была однородной и не была всё время одной и той же. Тезис о том, что она была полицейской наукой, поневоле огрубляет ситуацию. Разумеется, это высказывание имеет смысл лишь применительно к институционализированной социологии, однако к борьбе школ внутри неё оно не имеет никакого отношения. Всё остальное надо доказывать через анализ документов, не исключая с самого начала, что часть из них будет свидетельствовать не в пользу, а против выдвинутой гипотезы.

Я начну с самой сжатой характеристики полицейской науки и сопоставления её с социологией на разных этапах существования последней. Затем я приведу несколько положений из работ советских социологов, которые могут подтвердить мою точку зрения. Более доказательное и подробное развитие её я оставляю для последующих, обширных работ.

III.

История полиции столь же стара, как история государства. Это суждение может показаться очевидным, но очевидность обманчива, а суждение двусмысленно. Политические образования разного рода, которые мы привычно именуем государствами, действительно существуют издавна, но государство в современном понимании — феномен не столь уж древний. То же самое относится и к полиции. Одно дело — те или иные средства принуждения к порядку, другое — регулярные полицейские силы. Первые известны с древности, вторые относительно новы. Дополнительную путаницу может внести ещё и то, что слово «полиция» появляется раньше, чем возникают эти регулярные силы, но при этом означает оно не столько органы государственного принуждения, сколько сам порядок как таковой, причём взятый во всей совокупности, как строй социальной жизни. За последние тридцать лет, благодаря многочисленным исследованиям, посвященным полиции⁴, старое немецкое выражение для обозначения такого строя «*gute Ordnung und Policey*» — «добрый порядок и полиция» — стало широко известным, а выдержки из документов, относящих к полиции общественную гигиену и добронравие, мало-помалу теряют свою экзотичность даже в глазах широкого круга читателей [см., напр.: Neocleous 2002. *Police and...* 2008]. Наверное, в нашей стране и специальных разысканий не требовалось, чтобы вспомнить русскую историю. Изданный Екатериной Второй «Устав благочиния, или полицейский» называется так потому, что в светском (нецерковном) смысле слова благочиние (полиция) как раз и есть тот самый «добрый порядок».

В это время в самом распространённом понимании полиция всё ещё остается скорее синонимом совокупного управления социальной жизнью, чем названием одних только регулярных сил принуждения и охраны порядка, новейшую историю которых принято отсчитывать с конца XVII в. «Полиция в старых немецких государствах означала, прежде всего, помощь; а для осуществления на деле этой помощи, — прежде всего, в эпоху после тридцатилетней войны, когда началось становление современной политики, — не было нужды вообще ни в

⁴ О различии принципов управления в полицейском и правовом государствах см.: Luhmann 1973: 88–106. Целевое программирование решений в полицейском государстве, говорит Луман, предполагает возможность политического (обусловленного целесообразностью) вмешательства на уровне отдельных решений, в то время как в правовом государстве программирование *кондициональное*: воздействие идёт через изменение правовых процедур.

⁵ См., прежде всего, лекции Мишеля Фуко, центральное место среди которых в нашем случае занимает курс «Безопасность, территория, население» [Foucault 2007]. Существующий русский перевод трудно рекомендовать ввиду существенных ошибок в передаче терминологии.

каком принуждении. Кроме того, не следует упускать из виду этический характер заботы о благополучии и в политической теории просвещённого абсолютизма... Как «принуждение» полиция выступает лишь на фоне автономии индивида и ставшего совершенно самостоятельным гражданского общества...» [Meier 2009: 325]. При том именно в XVII–XVIII вв. получает развитие *наука о полиции* или *наука полиции*, целью которой является отыскание наилучших средств для государственного управления хозяйственной и моральной областями жизни ради всеобщего блага. Она, писал знаменитый немецкий полицейист фон Юсти, «состоит в познании того, как из наличного состояния общественной жизни (*gemeinen Wesens*) вывести разумные меры для сохранения и преумножения совокупного достоинства государства в его внутренней конституции, а также делать оное достоинство, как в целом, так и в отдельных частях его всё более пригодным и полезным для счастья и благоденствия общественного» [Justi 1782: 9]. Хорошая, счастливая жизнь отдельного человека немыслима без хорошей, счастливой жизни сообщества, а полиция блюдет в первую очередь нравственное состояние подданных, а затем уже заботится об их гражданском состоянии (способности подданных быть полезными членами общества) и о предотвращении несправедливости и злобы [Ibid.: 14]. Юсти «пропагандирует набор государственных мероприятий, центр тяжести которых смещается от набора запретов в старых полицейских порядках к комбинации стимулирования, поддержки и гарантий безопасности» [Stolleis 1988: 381]. В общем, как говорил М. Фуко, суммируя свои впечатления от трактатов о полицейской науке, речь идёт о *безграничной регуляции поведения подданных*, именно в этом суть полицейского управления [Foucault 2008: 7–8].

Задача способствовать устройству общественной жизни для преумножения достоинства государства и всеобщего счастья формулировалась в контексте *камерализма* — скорее комплекса прикладных дисциплин, нежели отдельной науки, — которые в ретроспективе иногда слишком узко рассматриваются как сугубо экономические⁶. В Германии камерализм и полицейская наука составляли единую полицейски-камералистскую программу [Wakefield 2009: 74]⁷. Несомненно, камералисты плотно занимались экономическими вопросами, но только в связи с вопросами более общего рода. Вот, например, несколько пунктов из программы раннего немецкого камералиста Ф.Л. фон Зеккендорфа, который предлагал, чтобы подданные не испытывали нужды ни в чем жизненно необходимом, уделять внимание: 1. Фундаментальному обеспечению, под которым он понимал воспитание молодежи; 2. Производству жизненно необходимых продуктов; 3. Равномерной поддержке всякого рода простых занятий, например, подённой работе; 4. Регуляции цен, отмене ростовщичества, упорядочению мер и весов; 5. Регулированию расходов на празднества и наряды; 6. Ограничениям на пользование иностранными товарами, вроде одежды и пищи; 7. Борьбе с паразитическими группами: игроками, фокусниками, мошенниками; 8. Справедливому управлению доходной собственностью общин [Small 2001: 82]⁸. Добрые намерения, добрые нравы, содействие верховной власти в установлении «хорошей полиции» через соответствующие законы учреждения — характерные черты камералистского проекта, инициаторы которого предлагали разные способы централизованной социально-экономической и нравственной регуляции в своих землях. Достижение общего блага через благо отдельных элементов общества, ориентация на особый

⁶ А. Смолл ещё сто лет назад указывал на узость такого понимания. См.: «Пусть это прозвучит парадоксально, но камерализм теорией и практикой не экономики, но политики. ... Камерализм ... не поднимал никаких фундаментальных вопросов чистой экономики. Он был в первую очередь теорией и техникой правления. ... Государство было главным. Камералисты были служителями государства» [Small 2001: 19, 20].

⁷ Практика камерализма, утверждает Уэйкфилд, совсем не походила на теорию. В теории был отрегулированный порядок. На практике — ложь, обман, охота за доходными позициями в преподавании и управлении.

⁸ Всего в программе Зеккендорфа было 12 пунктов, я свёл вместе некоторые из них для удобства изложения.

характер отдельных общественных групп, координация действий этих групп — вот что находится в центре внимания.

Не теоретический, но практический характер полицейской науки не означал отсутствия амбиций. Однако и амбиции были практического свойства. Камералисты обещали успехи и процветание. В конце концов, отсутствие того и другого стало слишком заметным! Камералистский проект провалился, а идеология полицейского государства уступила место идеологии государства правового. Между тем, развитие социального знания идёт своим чередом. Полицистика, даже та, что сохранилась после краха камерализма, отступает на задний план. В разных странах судьба её складывалась по-разному. Россия первоначально ориентируется на европейские образцы, по большей части французские и немецкие. Во Франции век полицейской науки оказался короче, чем в Германии, но и в Германии она полностью выдыхается к середине XIX в. (на чём история, правда, не кончается)⁹. Причины этого разнообразны и лежат по большей части не в научной плоскости. Полицейская наука не выполняет главного обещания. Ведь она ориентирована не на получение нового знания как такового, а на разработку методов эффективного управления. Но в части экономической бюрократическое управление со стороны центральной власти уже сильно дискредитировано, а то, что мы бы назвали социальным управлением, превращается в полицейский контроль в смысле принуждения и репрессии. Противостояние революциям оказывается насущной полицейской задачей, а гармонизация отношений между устойчивыми, унаследованными с давних времён группами общества — совершенно неактуальной. Полиция перестаёт быть способом попечения и заботы и становится исключительно полицией безопасности, в том числе и политической. К этому времени интерес к ней в Европе исчерпан, вниманием просвещённой публики завладевают новые интеллектуальные предприятия, одним из которых является социология.

Социология исторически представляет проект, совершенно отличный от полицейской науки и прямо не связанный ни с ней, ни даже с её критикой. Социология — это новое *теоретическое знание*, автономное от политической практики. Она предлагается как новая наука об обществе, иначе говоря, всё прежнее объявлено ненаучным, донаучным. Во Франции она формируется (в противоположность социализму, предполагавшему революционное преобразование мира) как способ соединения порядка и прогресса на основании знания, которое позволяет видеть, чтобы предвидеть¹⁰. Она полезна, но пользу приносит лишь постольку, поскольку преследует теоретические цели. В Германии на смену полицейской науке приходит теоретическое «государствование» (Staatslehre), также противостоящее французскому социализму. Социология в точном смысле в Германии появляется сравнительно поздно, бюрократы её путают с социализмом, учение о государстве считается достаточным для разумного бюрократического управления. Так же обстоят дела и в России — с той только разницей, что всё там идёт с некоторым временным запозданием, а после Октябрьской революции, по мере укрепления нового государства, шансов у социологии остается всё меньше. После 1933 г. Германию за рубежом, особенно в либеральных Великобритании и США, стали всё чаще называть полицейским государством. Это же слово, ещё до того, как была придумана концепция тоталитаризма, прилепилось и к Советскому Союзу [Thomson 1950]. В либеральном мире почти совершенно забыли о полицейской науке и о самом изначальном смысле полицейского государства. Социология, как считалось, было не нужна и даже вредна для полицейского го-

⁹ Несколько попыток сохранить полицейскую науку как науку правового государства делались в Германии в середине XIX в. В начале XX в. там же её попытались восстановить как науку о всеобщем администрировании. В России в середине XIX — начале XX вв. теоретики полицейского права рассматривали свою дисциплину в первую очередь как науку об управлении, основанном на результатах более частных дисциплин, в том числе социологии и экономики.

¹⁰ «Порядок и прогресс», «видеть, чтобы предвидеть» — формулы Огюста Конта.

сударства. В самом деле. Социология представляла собой инстанцию истинного знания относительно устройства социальной жизни. Для тоталитарных режимов это было в принципе неприемлемо, причём в случае СССР это усугублялось тем обстоятельством, что высшие инстанции власти и научного знания совпадали по определению. Таким образом, социология как отдельная от официальной идеологии наука просто не могла существовать. Знание же было одновременно и фундаментальным (знанием о том, как на самом деле всё устроено) и технологичным (как всем этим управлять, чтобы получать необходимый эффект). Разумеется, весь тот огромный блок полицейского контроля, без которого немыслимо тоталитарное устройство, не мог быть публично описан и обоснован в «научной идеологии»¹¹. Он был и даже после начала размывания тоталитаризма до самого завершения советской истории оставался тайной технологией власти, *arsanum imperii*, умолчание о котором бросало тень на все обществоведческие дисциплины. Однако даже и прочие части социального устройства не нуждались в публичном (доступном дискуссии и критике) описании, сколько-нибудь напоминающем язык конвенциональной социологии как академической дисциплины западных стран. Эти описания в свою очередь не были нужны, потому что социальная реальность считалась пластичной, поддающейся в любой момент целенаправленному действию с предсказуемым результатом. Со времён Вико было известно, что мы лучше всего знаем то, что создаём. Создавая и пересоздавая всё с нуля и обращая созданное в ничто, тоталитарная власть, по идее, не оставляла пространства тому, что невозможно пересоздать и, таким образом, познать в полной мере.

IV.

Всё это вещи хорошо известные, и тем более важно видеть, что произошло, когда социология в СССР всё-таки появилась. Социология 70-х гг. — это продолжение и развитие 60-х, в некотором роде (обусловлено как внешними, так и внутренними обстоятельствами) завершение того, что в 60-е было только намечено.

Начнем с очевидного. Размывание, трансформация контроля в более мягкие формы с середины 50-х гг. в СССР приводят — и не могут не привести — к появлению множества всё более неподконтрольных, непредсказуемых событий. Это и появление нового рода мотивов, точнее говоря, изменение самого *словаря мотивов*¹², увеличение горизонтальной мобильности, немыслимой в прежние годы, и многое другое в том же роде. Отказаться от ключевой идеи о том, что социальная реальность при коммунизме имеет целиком научно сконструированный и потому вполне прозрачный для конструкторов характер, было, разумеется, идеологически невозможно, но и потребность в знании о происходящем необходимо было учесть. Помимо разного рода ухищрений, представляющих в историческом плане большой интерес,

¹¹ Необходимость в получении дополнительных сведений, дать которые могла, помимо статистики и полицейских донесений, эмпирическая социология, в общем, осознавалась даже и в это время. История такого рода исследований при тоталитарных режимах является в данном случае, однако, побочной темой.

¹² См. более подробно: Фирсов 2008. См., в особенности, главу третью «От коллективного ослепления к индивидуальному прозрению». Возможно, одной из важнейших работ, зафиксировавших это изменение словаря мотивов стала — правда, уже несколько позже — знаменитая книга И.С. Кона «Социология личности». В самом начале книги Кон аккуратно, но твёрдо объясняет, что положение о сущности человека как совокупности общественных отношений, высказанное Марксом в «Тезисах о Фейербахе», имеет смысл лишь применительно к «родовому понятию» человека, но не к каждому человеку по отдельности. Разумеется, действия человека определяются его социальным положением и его интересами, носящими объективный характер. Но мотивы — другое дело. «*Мотив* обозначает субъективное отношение человека к своему поступку, сознательно поставленную цель, направляющую и объясняющую поведение. ... Мотивы зависят как от особенностей индивида, так и от конкретной ситуации и могут быть противоречивыми и непоследовательными» [Кон 1967: 27]. Термин «ситуация» нам ещё встретится ниже.

но выводящих нас за пределы нашей темы, были сделаны также усилия по встраиванию принципиально эмпирической по характеру социологии в систему марксистской идеологии.

Один из выходов был найден в знаменитой трёхчастной схеме, с большим или меньшим успехом просуществовавшей в социологии до конца советской власти и ставшей предметом длительных, хотя и не всегда продуктивных дискуссий. То, что дискуссии эти (время от времени прерывавшиеся утверждениями разных начальников о том, что вопрос давно решён и не нуждается в обсуждении) постоянно возобновлялись, имеет, конечно, характер симптоматический. Просуществовавшее несколько десятилетий сочетание советского истмата с импортированной социологией требовало всё новых усилий для сохранения его как содержательного, а не просто декларированного единства. Трёхчленная схема, скорее, не была целиком придумана на месте, но перекочевала к нам из западной социологии. Роберт Мертон ещё в конце 40-х гг. предложил сосредоточить основное внимание социологов не на общей теории, а на теориях «middle range». В те годы их начали у нас называть «теориями среднего значения», потом — «среднего ранга», а затем уже окончательно устоялось название «теории среднего уровня». Применительно к отечественной социологии часто говорили также о «специальных социологических теориях», но, в общем, существа дела это не меняло¹³. Известно было, что западным (буржуазным) учёным можно, как писал Ленин, доверять в специальных вопросах, но нельзя верить ни единому слову в общих. Но как раз специальные вопросы и рассматривались теориями среднего уровня! Это помогало решить часть вопросов импорта науки. Считалось, что есть высший этаж социологического знания — общая теория. Ниже располагаются специальные социологии, вроде социологии труда, науки, свободного времени и т. п. Ещё ниже — «эмпирические», или «прикладные» социологические исследования. На раннем этапе существования социологии в ходу было также понятие «конкретного исследования», и даже институт Академии наук, созданный в 1968 г., назывался Институтом конкретных социальных исследований (ИКСИ). Долгие споры о том, называть ли «конкретные исследования» социологическими или социальными, сводить ли конкретное к эмпирическому, не опасно ли намекать на абстрактный характер прочих исследований, заслуживают здесь не более чем беглого упоминания.

Задавая границы и формулируя задачи социологии, один из ведущих идеологов, академик АН СССР Ф.В. Константинов, в 1962 г. вошедший в состав исполкома Международной социологической ассоциации, писал: «Конкретные социологические исследования означают творческое применение марксизма как метода познания и объяснения новых социальных явлений и процессов, структуры и механизма действия законов общественного развития» [Константинов 1965: 29]. Именно исторический материализм был объявлен общей социологической теорией, что можно было, конечно, интерпретировать по-разному. В более благоприятных для науки случаях, речь могла идти о том, что (марксистско-ленинская) социология едина, и учёный, занимающийся работой с данными эмпирических исследований, в принципе, может дойти до высших уровней социального знания и внести свой вклад чуть ли не в исторический материализм. В менее благоприятных — о том, чтобы ставить интерпретацию социологических данных под контроль философов, хранителей истины истмата.

В период становления советской социологии, позиции были оформлены по-другому, не менее резко, но в каком-то смысле более рационально. Вот что говорил один из интеллектуальных лидеров тогдашней социологии Ю.А. Левада: «Попытки „пристегнуть“ эмпирические исследования общества к ряду данных, полученных иначе, — в рамках передовой исторической науки или передовой философии, или, в частности, социальной философии, — всегда оказываются чем-то искусственным и неудачным» [Левада 1969: 13]. Здесь, конечно, следует

¹³ О подходе Мертона и его переосмыслении в советской марксистской социологии см.: Андреева 1970; Ядов 1972: 12–13.

обратить внимание на слова «передовая философия» и «социальная философия». Левада обособлял социологию от той социальной философии, которая официально признавалась в СССР высшим этажом социального знания. Дальнейший ход его мысли подтверждает это. «...Как и всякая эмпирическая, опытная, конкретная наука, социология имеет и свою теорию, строит свои гипотезы, в том числе и весьма абстрактные схемы (теперь говорят — модели) для изображения определённых сторон общественных процессов. Эта теория непосредственно опирается на систематическое наблюдение и эксперимент, проверяется ими, поэтому мы можем сказать, что это — эмпирическая теория» [там же: 20]. Теория чего? Можно было бы предполагать, что речь идёт о частной теории, основанной на систематических наблюдениях одной из сторон общественной жизни. Однако это не так. «В отличие от других общественных наук, социология рассматривает не отдельную сферу деятельности общества, а нечто более целостное: общественную жизнь как систему отношений и отдельные сферы как части этой структуры» [там же: 15]. Это значит, что социология, с одной стороны, автономная эмпирическая наука, а с другой — единственная наука, предметом которой может быть общество в целом, а не отдельные его сферы. Социологические теории отдельных областей социальной жизни не отменяют того, что и высший этаж социологического знания занят теорией, построенной на тех же принципах, что и теории среднего уровня. Эта точка зрения была несовместимой с официальной трактовкой трёхуровневой схемы.

Академик П.Н. Федосеев, куратор (с перерывом на несколько лет) в ранге вице-президента АН СССР всех социальных и гуманитарных наук страны с середины 60-х гг., практически одновременно с «Лекциями» Левады писал: «Мне представляется, что исторический материализм составляет теоретическое содержание социологии. Нет и не может быть социологии вне или над историческим материализмом. ... Исторический материализм представляет общую теорию общественного процесса, определяющую основное направление социальных преобразований, а конкретные социологические исследования являются теми прикладными знаниями, через которые общая теория воздействует на практику и рекомендации которых непосредственно используются в повседневной практической деятельности» [Федосеев 1968: 8, 9]. Разумеется, между учёным и высокопоставленным аппаратчиком не могло быть собственно научной дискуссии. Характерной особенностью ситуации было и то, что постоянно маячило на горизонте как реальная возможность: *ultima ratio* идеологов были не аргументы, а насилие¹⁴. Однако, даже вне всякой возможной дискуссии, все, кто высказывался о структуре социологии, принадлежали, тем не менее, к одному дискурсивному порядку. Вопрос о том, как обращаться с фактами, которые могут быть — в принципе — столь упрямы, что опрокинут самую продвинутую теорию, основанную на «единственно верном» учении, должен был найти какое-то разрешение. «Опыт многих социологических исследований показывает, — писал один из отцов-основателей советской социологии Г.В. Осипов, — что, как бы ни была совершенна их методика, они оказываются безрезультатными и бесплодными, не имеют научного значения именно в силу пренебрежения общей теорией социального развития» [Осипов 1965а: 46]. Эти слова необходимо читать правильно, не столько в контексте мировых дискуссий о теории и эмпирии, сколько в контексте не прекращавшейся борьбы за социологию¹⁵. Признание социологической теории принципиально эмпирической, признание теории самостоятельной и первенствующей по отношению к фактам, утверждение о социологиче-

¹⁴ «Лекции по социологии», как известно, обернулись для Левады многообразными репрессиями, в том числе увольнением из ИКСИ и многолетним запретом на публикации.

¹⁵ В это время существовали также и в высшей степени изощрённые, усложняющие общую схему попытки соотнести факты и теории. Это в особенности хорошо удавалось специалистам по методологии исследований, акцентировавшим в большей мере то, как должно быть построено правильно исследование, нежели то, что оно, собственно, сможет получить в итоге. См. один из первых опытов такого рода: Андреева, Никитин 1965.

ской теории как теории социального развития позволяют, примерно, реконструировать точку зрения, согласно которой социологи, в общем, не отказывались от участия в идеологической работе, сосредоточивали внимание на тех областях истмата, которые допускали большую свободу толкования, а самое главное — позволяли формулировать теоретические основания эмпирических исследований. Именно поэтому формулы «Рабочей книги социолога», подготовленной в середине 70-х гг., звучат не просто догматически, но далеко не безобидно именно для социологов-эмпириков: «Представляя собой общую социологическую теорию, исторический материализм вместе с тем является методологией социального познания вообще, конкретного социологического исследования — в частности. ... Теория научного коммунизма... есть незыблемая теоретическая основа социологических исследований любых явлений, процессов и сфер жизнедеятельности социалистического общества» [Рабочая книга социолога... 1976: 9, 11]¹⁶.

И.

Но что двигало социологами, кроме естественной для человека жажды познания? Обоснование необходимости социологии в их трудах представляет для нас особый интерес, именно здесь, как мне кажется, находится «исток и тайна советской социологии». «Конкретные социологические исследования, — пишут авторы некогда знаменитой, хотя и „спрятанной“ под нарочито скромным названием книги, — имеют не только теоретическое, но и непосредственно практическое значение, так как они способны внести полезные коррективы в различные сферы коммунистического строительства и тем самым ускорить темп общественного развития в целом. Но эти исследования могут иметь практическое значение лишь в том случае, если они основываются на правильной методологии и научно разработанной методике» [Осипов, Козырев и др. 1963: 17]. Очевидно, что здесь декларируется нечто большее, чем просто намерения. Речь идёт о том, что в реальности совершается некое развитие, что знание о развитии должно быть получено особым методом и что на основе этого знания в самой реальности могут быть внесены коррективы. Но что ещё есть в реальности, кроме развития? *События и ситуации*, говорят авторы [там же: 18]. «Во взаимодействии с общей волей, действующей при социализме по единому плану, воли отдельных людей не оказываются равными нулю. Каждая воля участвует в формировании исторических событий» [там же: 19]. Ситуации могут складываться позитивно или негативно, и даже в «нашей жизни» бывают иногда конфликтные ситуации. Однако «для социалистического общества особенно характерно образование ситуаций положительного характера, в которых гармонически взаимодействует материальное и духовное, общественное и личное. Это прямой результат сознательного воздействия людей на развитие исторического процесса» [там же: 20].

Хорошим дополнением к этим рассуждениям может служить другой важный текст — написанное Г.В. Осиповым предисловие к переводной книге «Социология сегодня. Проблемы и перспективы» [Социология сегодня... 1965]. Такие тексты сегодня надо уметь читать. Они совсем не про то, как плоха западная социология по сравнению с марксизмом. Они — про наши проблемы и наши задачи, только сформулировано всё очень иносказательно и деликатно. Речь идёт, конечно, не о том, что влиятельные социологи были скрытыми агентами за-

¹⁶ Разумеется, далее речь идёт и о специальных социологических теориях, и об эмпирических исследованиях. Однако следует обратить внимание и на то, что значительная часть текста посвящена изложению исторического материализма, в частности, концепции общественно-экономической формации. Так шла борьба. Социологи испытывали давление истматчиков и переносили свои усилия на их поле, объявляя истмат социологической теорией и методологией. Это, в свою очередь, вынуждало их вбирать темы и постановки проблем в истмате в свои собственные конструкции.

рубежной социологии. Однако, повествуя о её достижениях, они, несомненно, предполагали принести пользу социалистическому обществу в случаях, которые могли быть похожи на те, что считали проблемой западные коллеги. Буржуазная социология, пишет Осипов, в XIX в. развивалась в общем русле философии, не имела практического применения, обходилась без рассуждений об обществе и социальном прогрессе. Этот сомнительный, с точки зрения истории социологии, заход служит ему для того, чтобы противопоставить социологии XIX в. социологию века XX. В XX в. «перед социологией была поставлена задача разработки действенных средств поддержания и сохранения существующей системы капитализма. Теоретические исследования дополнились эмпирическими... Проводя эмпирические исследования и выясняя настроения трудящихся, западные социологи разрабатывают систему практических мероприятий, которые позволяют затушевать и приглушить противоречия капиталистического общества» [Осипов 1965b: 6]. Это, продолжает автор, позволяет даже привести к временному «смягчению» (кавычки автора!) социальных противоречий [там же: 9]. Социология помогает сохранять группы, невзирая на конфликты, поддерживать их сплоченность, подчинять господству «государственной власти монополий» и т. п. Наиболее примечательно, между тем, что когда Осипов переходит к общей характеристике структурного функционализма (на позициях которого стояли авторы книги), критический пафос у него практически пропадает. Он говорит о том, что функционалисты характеризуют общество как систему, что проблемы, которые они рассматривают, действительно серьёзные научные проблемы. Сухо и внятно он объясняет, что солидарность, альтруизм, легитимность (в то время её ещё называли «законностью») институтов не выводятся непосредственно из общей культуры. Если члены общества и его групп разделяют одни и те же ценности и нормы, отсюда отнюдь не следует их лояльность институтам, склонность к альтруизму и готовность избегать конфликтов. Стоит лишь немного продолжить эту мысль автора, чтобы понять, *что* он старается донести до читателя. Заменяем культуру на «идеологию» — и обнаружим, что не ставящаяся социологами (как и любым публикующимся в СССР автором) под сомнение приверженность советских людей коммунистической идее не гарантирует сама по себе мирных и лояльных отношений ни между собой, ни к государству. Это не данность, а проблема, о которой надо знать заранее и решать её при помощи социологии.

Посмотрим на дело с другой стороны. Например, уже в программной статье сборника «Количественные методы в социологических исследованиях», сыгравшем большую роль в становлении исследовательских программ советской социологии, А.Г. Аганбегян и В.Н. Шубкин, решительно связывали социологические исследования с народно-хозяйственным планированием и прогнозированием. Так, для планирования жилищного строительства в городах нужна информация и прогноз об изменениях состава семей на перспективу. Для налаживания торговли нужны сведения о потребительском поведении и т. п. «Каковы потребности различных социальных групп в разных районах страны? Как, под влиянием каких факторов и в каких направлениях эти потребности меняются? Какова величина спроса на различные товары? Каковы тенденции?» [Аганбегян, Шубкин 1964: 13]. Конечно, продолжают авторы, тут мы ступаем на зыбкую почву субъективного, но лучше уж так, чем никак, ведь «социалистическое и коммунистическое производство — не самоцель. Оно должно быть подчинено человеку с его потребностями» [там же: 14]. Другая проблема — это эффективное управление трудовыми ресурсами. Здесь тоже приходится вторгаться в область субъективного. А поскольку работать приходят люди с определённым образованием, приходится изучать не только трудовую мотивацию, но и ситуацию в образовании. «Поэтому нужно постоянно знать, кого готовить, какой уровень образования требуется для работы по данной профессии на перспективу, в какой мере нужны знания, которые получили выпускники, для практической работы, насколько эффективна данная форма обучения» [там же: 16]. Среди первостепенных задач авто-

ры указывают ещё движение населения, а также специально акцентируют планирование социальных изменений. «Объектом социального планирования являются общественные отношения. Поскольку человек есть продукт определённых общественных отношений, постольку социальное планирование включает в себя направленное изменение самого человека как через изменение его социальной среды, так и через воспитательную работу» [там же: 19]. Социология, по мысли авторов, нужна именно «сейчас, когда ставится задача создания огромной, охватывающей все отрасли и предприятия системы информации...» [там же: 22]. Несколько более сдержанно о задачах социологии пишет Г.В. Осипов: «...Первая основная социальная функция марксистской социологии — конкретное исследование важнейших жизненных процессов и явлений; вторая — научно обоснованное воздействие на развитие общества; третья — разработка научных основ планирования социальных отношений; четвертая — всестороннее развитие человеческой личности» [Осипов 1965а: 52].

Мы видим здесь важную, постоянно акцентируемую тему: целенаправленное воздействие на общество является ключевой задачей социологии, работающей для управленческих институтов, партийных и государственных. Мотивы действующих людей представляют собой для социологов зону неопределённости. «Самое богатое и сложное социальное образование, наименее понятное и наиболее трудно управляемое — индивид; самое простое, легко предсказуемое и легче управляемое — общество на социетальном уровне» [Левада 1969: 55]. Несмотря на то общее, что производится через социальное положение, общую идеологию и прочее, унификации индивидов здесь нет и, по идее, не должно быть. В число декларируемых идеологических приоритетов советского общества входит всестороннее развитие личности. Но развитие означает более высокую индивидуализацию, а это, в свою очередь, означает неопределённость, причём не сущностную, как сказали бы тогдашние марксисты, а неопределённость на уровне конкретных ситуаций и конфигурации событий. Это является ещё одним аргументом в пользу массовых опросов¹⁷.

Управленческий пафос социологов находит себе много приложений. Во всяком случае, они делают ставку не на простые решения, предполагающие примитивные формы контроля и репрессии. «Любое общество всегда — явно или скрыто, жестко или гибко — навязывает отдельным членам и группам свои ценности и нормы. Из этого не следует, что отдельный человек или группа всегда суть марионетки, и поэтому общество отвечает за их дела. Различие форм контроля весьма существенно» [Левада 1969: 77]. При этом одной из важнейших областей исследования, контроля и планирования оказывается *время*. Свободное время — это те немногие часы, когда человек не занят ни на производстве, ни перемещениями из дому на работу и обратно, не восстанавливает силы и т. п. Это время также должно быть сферой изучения, планирования, контроля, целенаправленного воздействия. Пожалуй, своеобразным апофеозом планирования является книга В.Н. Шубкина «Социологические опыты». Цель социального планирования, пишет Шубкин, — «решение конкретных социальных задач, достижение всё большей социальной однородности, обеспечение социального равенства и свободы, ликвидация препятствий, которые ещё мешают гармоническому развитию человека, сочетание интересов индивида с интересами коллектива, общества в целом» [Шубкин 1970: 40]. В ретроспективе это суждение кажется набором идеологических штампов и — кто знает — специально, быть может, сконструировано автором для защиты от цензоров. Однако внимательное чтение позволяет видеть в нём специфическое для перелома от 60-х к 70-м понимание задач социологии. «Свобода» и «гармоническое развитие» — это ещё наследие предыдущей эпохи. «Социальная однородность» — это лозунг текущего момента, одна из главных забот социологов 70-х — 80-х гг. Она возникает благодаря социальной мобильности (перемеще-

¹⁷ Значение исследований общественного мнения постоянно подчеркивается в 60-е гг. В 70-е тема перестаёт быть центральной, зондажи общественного мнения производят закрытые социологические службы.

ниям индивидов между местами жительства и работы, изменениям в положении детей по сравнению со положением родителей и т. п.) и, в перспективе, становится настолько большой, что при коммунизме не будет уже никаких классов и слоев¹⁸. Но что остаётся неизменным, так это идея научного управления. Планирование и управление предполагает «конкретное познание общества» [Шубкин 1970: 43]¹⁹.

Таким образом, советская социология внятно определяет себя как дисциплину — при всех теоретических амбициях — конкретную, эмпирическую, прикладную. Она *полезна*. Польза её состоит в том, что она отслеживает массовые процессы, проистекающие из многообразия волеий и действий, открывает, опираясь на статистику и опросы, «законы-тенденции» и создает ресурсы для целенаправленного преобразования того, что складывается «само собой», в целенаправленное развитие. При этом всё исследовательским предприятиям были положены внятные пределы. Определения основным целям развития давало партийное руководство. Их можно было в известных рамках интерпретировать, но не ставить под сомнение. Кроме того, само политическое устройство страны принималось как данность. Оно не могло быть не то что поставлено под сомнение, но просто не могло быть изучено как социальный факт. Деятельность отдельных институтов управления могла становиться объектом изучения²⁰ именно для того, чтобы управление было более эффективным, и такого рода исследования могли проводиться в интересах и по заказу партийных инстанций. Но сам способ устройства СССР как однопартийного режима с очень сложным переплетением административной и идеологической составляющих, при несомненном ни для кого огромном значении тайной полиции не мог, разумеется, становиться предметом обсуждения. Большими усилиями и с утверждениями о несомненной пользе научного управления социологи смогли выгородить для себя области²¹, где сама допустимость научной, в том числе эмпирической работы не ставилась под сомнение. Конечным ориентиром для неё (в 60-е — более внятном, в 70-е и далее становившимся всё более пустой идеологической формулой) было *благо*²².

Советская социология, по крайней мере, в некоторое время и в некоторой части была не столько теоретической, сколько практической дисциплиной, наукой о регуляции поведения, трансформации мотивов и распределении стимулов для достижения общего блага в бюрократическом, социально-полицейском государстве. В этом смысле она и была полицейской наукой. Её видение социального мира, её конструкции, её внутренние конфликты, успехи и неудачи, её связь с историей «социального государства»²³ требуют специального, многостороннего и куда более тщательного изучения. На этом пути мы сделали пока что лишь самые первые шаги.

¹⁸ Ср. также: «...Управление процессом социальных перемещений, как и изменение социальной структуры вообще, представляет собой особую область управления обществом, со спецификой которой надо считаться. Если этими процессами не управлять со знанием дела, в том числе опираясь на конкретные исследования, в них могут получить преобладание стихийные моменты» [Руткевич, Филиппов 1970: 249].

¹⁹ Собственно, планирование и прогнозирование — это центральная тема всей книги, особенно её первой главы.

²⁰ См., например: Подмарков 1973. Особенно главы I и IX (о социальном планировании на предприятиях).

²¹ Последовательность их появления, значение тех или иных тенденций в западной социологии для их формирования, образование зон большей или меньшей свободы в отечественной социологии — всё это представляет отдельный исследовательский интерес.

²² Известный слоган тех лет «Всё во имя человека, всё для блага человека» должен быть прочитан прежде всего философски.

²³ Подобно тому, как история камерализма связана с историей западного социального государства.

Аганбегян А.Г., Шубкин В.Н. 1964. Социологические исследования и количественные методы. — *Количественные методы в социологических исследованиях* / Под ред. А.Г. Аганбегяна. — Новосибирск.

Андреева Г.М. 1970. Марксистская социология и её задачи. — *О структуре марксистской социологической теории*. — М.: Издательство Московского университета. — С. 25–34.

Андреева Г.М., Никитин Е.П. 1965. Метод объяснения в социологии. — *Социология в СССР*. — М.: Мысль. — С. 124–144.

Батыгин Г.С. (ред.) 1999. *Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах*. — М.: РХГИ.

Кон И.С. 1967. *Социология личности*. — М.: Издательство политической литературы.

Филиппов А.Ф. 1992. Наблюдатель империи. — *Вопросы социологии*. — № 1. — С. 89–120.

Константинов Ф.В. 1965. Социологические исследования — исторический материализм в действии. — *Социальные исследования*. — М.: Наука.

Левада Ю.А. 1969. Лекции по социологии. — Научный совет АН СССР по проблемам конкретных социальных исследований. Советская социологическая Ассоциация. Институт конкретных социальных исследований. АН СССР. *Информационный бюллетень* № 6(21). М.

Осипов Г.В. 1965а. Основные черты и особенности марксистской социологии. — *Социология в СССР*. — М.: Мысль.

Осипов Г.В. 1965b. Предисловие. — *Социология сегодня. Проблемы и перспективы* / Сокращенный перевод с английского / Общая редакция и предисловие проф. Г.В. Осипова. — М.: Прогресс.

Осипов Г., Козырев Ю., Колбановский В., Айвазян М. 1963. Задачи и методы конкретно-социологических исследований. — *Вопросы организации и методики конкретно-социологических исследований*. — М.: Росвузиздат.

Подмарков В.Г. 1973. *Введение в промышленную социологию*. — М.: Мысль.

Рабочая книга социолога... 1976. *Рабочая книга социолога* / Отв. ред. Г. В. Осипов. — М.: Наука.

Руткевич М.Н., Филиппов Ф.Р. 1970. *Социальные перемещения*. — М.: Мысль.

Социология сегодня... 1965. *Социология сегодня. Проблемы и перспективы* / Сокращенный перевод с английского / Общая редакция и предисловие проф. Г.В. Осипова. — М.: Прогресс.

Федосеев П.Н. 1968. Социологические исследования в СССР. — *Социальные исследования*. Выпуск 2. — М.: Наука.

Фирсов Б.М. 2008. *Разномыслие в СССР. 1940–1960-е гг.: История, теория и практики*. — СПб.: Издательство ЕУСПб.

Фирсов Б.М. 2012. *История советской социологии: 1950–1980-е годы. Очерки*. 2-е изд., исправленное и дополненное. — СПб.: Издательство ЕУСПб.

Шубкин В.Н. 1970. *Социологические опыты*. — М.: Мысль.

Ядов В.А. 1972. *Социологическое исследование. Методология, программа, методы*. — М.: Наука.

Filipov A.F. 1993. A final look back at Soviet sociology. — *International Sociology*. — Vol. 8. — № 3. — P. 355–373.

Foucault M. 2007. *Security, Territory, Population: Lectures at the Collège de France 1977–1978* / Ed. By M. Senellart. — L.: Palgrave Macmillan.

- Foucault M. 2008. *The birth of biopolitics. Lectures at the College de France.* — Houndmills etc.: Palgrave Macmillan.
- Justi J.H.G. v. 1782. *Grundsätze der Polizeiwissenschaft...* Dritte Ausgabe. — Göttingen.
- Luhmann N. 1973. *Zweckbegriff und Systemrationalität.* Neudruck. — Frankfurt/M: Suhrkamp.
- Meier H. 2009. *Die ältere deutsche Staats- und Verwaltungslehre.* — München: Beck.
- Neocleous M. 2002. *Fabrication of social order. A critical theory of police power.* — London etc.: The Pluto Press.
- Police and... 2008. *Police and the liberal state* / Ed. by Dubber M. D., Valverde M. — Stanford, Cal.: Stanford University Press.
- Small A. 2001. *The Cameralists. The Pioneers of German Social Polity.* (1909). — Kitchener, Ont.: Batoche Books.
- Stolleis M. 1988. *Geschichte des öffentlichen Rechts in Deutschland.* 1. Band. — München: Beck.
- Thomson Cr. 1950. *The Police State: what you want to know about the Soviet Union.* — N.Y.: Dutton Publishers.
- Wakefield A. 2009. *The Disordered Police State: German Cameralism as Science and Practice.* — Chicago & London: The University of Chicago Press.